

Н.Н. ЗАРУБИНА

УЧЕНЫЕ О ВЫЗОВАХ ЭТИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России, Москва, Россия (n-zarubina@yandex.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы нормативных основ профессио- нальной деятельности научного сообщества как составляющей его человеческого по- тенциала, т.е. жизнеспособности. На основе анализа транскриптов 20 глубинных интервью с учеными, работающими в исследовательских институтах и вузах, представи- телями социальных и гуманитарных наук из разных регионов России выявлен спектр мнений о нарушениях этики исследовательской деятельности. Установлено, что ин- форманты толерантно относятся к множественности форм знания в современном об- ществе, не претендуют на символическое господство научной картины мира, которая сегодня не воспринимается как нечто целостное. Возникновение этических девиаций в исследовательской деятельности – фальсификаций и фабрикации результатов, пла- гиата, погони за формальными показателями и т.д. – связывают как с установками самих ученых, так и с неэффективными управленческими подходами. Наиболее действенным инструментом поддержания этических основ исследовательской деятельности информанты считают репутацию ученого, которую понимают как символический капитал, кон- вертируемый в социальный: значимость репутации обусловлена необходимостью со- вместной работы, включения в коллективы, коллaborации исследователей. Репутация является значимым механизмом саморегуляции научного сообщества и основывается как на формальных показателях (публикации, индекс цитирования и т.п.), так и на не- формальных профессиональных и личностных качествах исследователя. Способность отвечать на этические вызовы, самостоятельно преодолевать девиации, деструктивные для исследовательской деятельности, – важнейшая составляющая человеческого по- тенциала российского научного сообщества.

Ключевые слова: научное сообщество • человеческий потенциал • нормы • этика • девиация • лженаука • символическое господство • символический капитал • социаль- ный капитал • репутация

DOI: 10.31857/S0132162525020053

Постановка проблемы. Трансформации российского общества последних трех деся- тилетий существенным образом затронули институт науки и научное сообщество, создав целый ряд вызовов разного типа и уровня: как институциональных, связанных с реорга- низацией финансирования научных исследований, управления наукой, оценки научных ре- зультатов, так и экзистенциальных и этических. Для того чтобы дать на них продуктивные ответы, научное сообщество должно обладать высоким человеческим потенциалом. Это понятие вошло в научный обиход относительно недавно и остается спорным вследствие своей многозначности и метафоричности. Представляется, что оно может быть эфек- тивным для анализа современного состояния научного сообщества, если использовать его интерпретацию, данную акад. Т.И. Заславской, которая определяет человеческий по- тенциал как «готовность и способность национальной общности к активному самораз- витию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней сре- ды и успешной конкуренции с другими общностями» [Заславская, 2005: 10]. Это опреде- ление представляется наиболее эвристически продуктивным среди множества других,

поскольку здесь человеческий потенциал означает жизнеспособность общности, в нашем случае – профессиональной. Наряду со способностью к демографическому и социально-экономическому воспроизводству, предполагается способность противостоять деградации в ее различных формах, саморазрушительному и девиантному поведению и т.д.

Для российского научного сообщества сохранение человеческого потенциала через поддержание нравственных основ профессиональной деятельности – весьма актуальная задача, поскольку за последние десятилетия они подвергались деформациям в силу целого ряда экономических, управлеченческих, социальных причин. По данным Вольного сетевого сообщества Диссернет, только в 2023 г. по его рекомендациям 597 человек лишины ученых степеней вследствие плагиата, фальсификации и фабрикации данных и т.п.¹ В начале 2020 г. комиссия РАН по противодействию фальсификации научных исследований сообщила об отзыве 869 научных статей из 263 журналов², что объяснили недобросовестностью как авторов, так и редакционной политики изданий. Снизилось и взаимное доверие между учеными. Экспертный опрос, проведенный в 2017 г. среди российских ученых – представителей социальных наук, показал: отмечается снижение «абстрактного» доверия к «доброподобности ученых» с высокого уровня (4,2 балла) в советский период до среднего (3 балла) в современный. Большинство экспертов считают достойными доверия «лишь некоторые» научные результаты коллег (66%), в то время как доверяют «почти всем» результатам 30%, а не доверяют вовсе – 4% [Доверие к знанию..., 2018: 230, 234].

Нарушение этических принципов профессиональной исследовательской деятельности, фабрикация и фальсификация результатов, приводит к появлению лженаучных «теорий», нередко противоречащих фундаментальным основам науки, подобно «спинорным» и «торсионным» полям, «красной ртути» и т.п. Воплощенные в прикладные проекты, они способны нанести существенный финансовый ущерб³. Не меньший ущерб они наносят репутации научного сообщества. Созданная в 1999 г. Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН под председательством академика Э.П. Круглякова (в 2018 г. разделена на Комиссию по борьбе с лженаукой и Комиссию по противодействию фальсификации научных исследований, в 2022 функции обеих переданы Экспертному совету РАН) защищала научное мировоззрение и научный ethos, на основе профессиональной научной экспертизы давала оценку подобным «теориям» и «проектам», а также распространению ненаучных и научно не обоснованных практик, вроде астрологии и гомеопатии.

Таким образом, проблема защиты этических основ российского научного сообщества для сохранения и повышения его человеческого потенциала, т.е. жизнеспособности в непростых нынешних условиях, является весьма острой и актуальной. Цель данной статьи – исследование отношения ученых к этическим вызовам, видение их причин, проявлений и потенциала ответов на них. Эмпирической основой послужили материалы качественного исследования – 20 глубинных интервью, проведенных с учеными – представителями социальных наук из разных организаций и разных регионов РФ осенью 2023 г. Группой ЦЕССИ на основе технического задания, разработанного в рамках исследований человеческого капитала российского научного сообщества в условиях цифровизации

¹ Диссернет: итоги года – 2023 // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». URL: https://www.dissertnet.org/news/dissertnet_itogi_goda_2023 (дата обращения: 26.08.2024).

² Отзыв более 800 статей ученых в РАН связали с избыточностью научных журналов в России // Российская академия наук (официальный сайт). URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=973cb897-5cd7-4bd9-9ad8-69aad2233d5c&print=1&ysclid=m0c7g6dw72611837275> (дата обращения: 26.08.2024).

³ См.: [Кругляков, 2009]; «О сколько нам открытий чудных» достанется после ликвидации комиссии по лженауке РАН // Российская академия наук (официальный сайт). URL: <https://www.ras.ru/digest/shownews.aspx?id=8730bc1c-d55c-4898-8c9a-001afdfde75f&ysclid=m4s8bin3pa493717803> (дата обращения: 17.12.2024).

сотрудниками кафедры социологии МГИМО МИД России⁴. Информанты активно занимаются научной работой, половина – в исследовательских институтах, другая половина – в вузах, представляющих различные социальные и гуманитарные науки; половина в возрасте до 39 лет, другая – 40–70 лет. В каждой возрастной группе поровну мужчин и женщин. Обработка транскриптов осуществлялась методом критического дискурс-анализа. Среди информантов не было ученых, специально занимающихся проблемами этики научного сообщества, поэтому обобщаются выработанные ими в непосредственной исследовательской практике мнения о проявлениях и природе этических девиаций в профессиональной среде и способах их преодоления.

Двадцать глубинных интервью, безусловно, не дают оснований для общих выводов по состоянию проблем этики научной работы, однако позволяют выявить спектр мнений, что может лечь в основу дальнейших исследований.

Причины распространения лженаучных теорий и борьба с ними. Один из респондентов отметил: «Профессиональный специалист не должен предавать систему своих ценностей» (Н.Д.⁵, к.полит.н., сотрудник НИИ). Эта позиция очень четко отражает императив сохранения и воспроизведения научного этоса⁶. Одним из последствий отхода от него становится распространение лже- или псевдонауки, конспирологических теорий. Эта проблематика является объектом специальных исследований, главным образом, в областях эпистемологии, философии и социологии науки. Под лже- или псевдонаукой понимают разные явления, вопрос их демаркации и классификации представляет отдельную проблему⁷. Специалисты под лженаукой обычно понимают бездоказательные и недоказуемые утверждения, сознательно сформулированные на языке науки, выдаваемые за научные теории с целью получения финансовых, статусных и прочих преимуществ, отличая их как от наивных протонаук (астрология, алхимия), так и от других форм знания – религия, мифология, мистика и т.д. [Зарубина, 2018: 111]. В социальном знании, особенно в политических науках, получает распространение конспирология как совокупность бездоказательных объяснений социальных и политических событий и проблем целенаправленным вмешательством различных злонамеренных сил, от вымышленных («рептилоиды») до реально существующих (масонские ложи, Бильдербергский клуб, секретные службы разных стран и т.п.) [Бразертон, 2021: 151–152]. Наши информанты говорят как о лженауке в собственном смысле, так и о любых формах знаний, не относящихся к науке – мифологии, религиозных представлениях, оккультизме и т.п., не проводя между ними различий.

На основании анализа ответов на вопрос об отношении к лженауке в широком смысле можно сделать вывод, что информанты воспринимают ее распространение толерантно, как следствие изменения характера научной рациональности и самих критерии научности. «Меняется научная парадигма, и сегодня многое, что раньше считалось ненаучным, таким быть перестает. Например, сегодня наука признает не только рациональные, но и иррациональные факторы... Если раньше на науку и религию смотрели как на две противоположные отрасли, то сегодня они вполне совместимы, и мы прекрасно знаем, что многие ученые являются верующими людьми, и одно другому не противоречит» (С.А., д.ю.н., проф. вуза). Современный мир предоставляет место «различным типам мировоззрения» (Н.А., д.филос.н., проф. вуза), т.е. наука перестает претендовать на символическое господство и «власть номинации», монополию на утверждение собственного видения мира, право навешивать ярлыки, в том числе и «лженауки» и «псевдонауки» [Бурдье, 1993: 72].

⁴База данных «Социологическое исследование человеческого капитала российского научного сообщества» имеет государственную регистрацию № 2024622996 от 09 июля 2024 г.

⁵Инициалы респондентов вымышлены и представляют собой их индивидуальный код, присвоенный в процессе обработки транскриптов.

⁶Базовые этические принципы научного сообщества сформулировал Р. Мертон. Это универсальность, общность, бескорыстие и организованный скептицизм [Merton, 1972: 65–79].

⁷См.: [Сергеев, 2015; Стёpin, 2001; Эйдельман, 2004: 15; Бажанов, Конопкин, 2012].

Для объяснения причин распространения лженауки опрошенные обращаются к внутренним проблемам самого научного сообщества и научного знания. Эти проблемы могут иметь разную природу. Во-первых, простые ошибки: «наука – это не божественное откровение, это все равно одна из сфер человеческой потенциальной деятельности. И, как все другие сферы такой деятельности, она несовершенная... И ученые ошибаются» (Г.Д., д.и.н., сотрудник НИИ). Настоящие ученые, по мнению информанта, отличаются тем, что могут признать правоту оппонирующей стороны на основе объективных фактов. Мертоновский принцип «организованного скептицизма» как необходимости обсуждения и проверки любых научных результатов сохраняет значимость в научном сообществе.

Во-вторых, конфликты и противоречия научных школ, сторонники которых обвиняют друг друга в недобросовестности: «ученые сами не едины, есть разные группы ученых, разные научные течения, разные школы, разные теории, которые зачастую друг друга не любят» (Г.Д., д.и.н., сотрудник НИИ). Информанты упоминают некоторые научные направления, способствующие, по их мнению, отходу от научных методов и мировоззрения в целом: «постмодернизм ползучий дополз и до академической науки. Релятивизм, когда все возможно, все относительно» (К.Д., к. культурологии, преподаватель вуза). Такой взгляд на постмодернизм характерен для специалистов, которые отказываются признать его, а также психоанализ, и даже феноменологию научными аналитическими перспективами, поскольку они выходят далеко за рамки привычного позитивистского подхода [Ефремов, 2013: 30–36].

В-третьих, порождать лженаучные представления у массовых аудиторий могут существующие пробелы в знании, неспособность ученых дать ответы на волнующие людей вопросы. И такие пробелы не сокращаются с развитием науки, а, напротив, растут, ведь каждое новое открытие порождает новые вопросы и новые проблемы, в этом состоит специфика научного знания: «Много белых пятен, много неточностей. Это естественным образом провоцирует людей считать, что ученые либо чего-то не знают, либо чего-то недоговаривают» (Г.Д., д.и.н., сотрудник НИИ). Эти пробелы заполняются представителями «альтернативного знания». Например, дискуссии среди историков по поводу некоторых знаковых моментов отечественной истории, в числе которых начало Великой Отечественной войны, ее причины и предпосылки, создают и пространство для проникновения в общественное сознание «альтернативных» версий (типа работ Резуна-Суворова).

Кроме того, сами ученые отмечают, что существуют явления, пока не имеющие научного объяснения, но приносящие практические результаты: «есть области знания, которые пока не могут быть верифицированы методами научного познания» (С.Ю., д.ю.н., проф. вуза); «есть практические вещи, <...> то, что работает, но не научное» (В.Г., к.э.н., сотрудник НИИ). К областям, где существуют явления такого рода, информант относит «не斯特рогие науки», в первую очередь психологию. Именно такие явления вызывают наибольший интерес массовых аудиторий, вокруг них создаются псевдонаучные теории. Ученые же нередко опасаются всерьез ими заниматься, как раз боясь обвинений в лженаучном подходе. В качестве примера можно вспомнить о некоторых исследованиях академика Н.П. Бехтеревой и их критике со стороны Комиссии по борьбе с лженаукой РАН.

Информанты отмечают, что научная традиция обладает высокой степенью консерватизма, и отступление от классических постулатов требует, помимо личного мужества, как собственно теоретико-методологических, так и идеологических, а в некоторых дисциплинах и политических обоснований. Для того чтобы ввести в поле науки какие-то предметы и объекты исследований, в сфере социального знания, например, права, нередко требуется политическое решение. «Всегда есть очень большая опасность преувеличивать значение традиции, верности каким-то, может быть, уже устаревающим знаниям. А прогресс в области права часто связан с выбором законодателя. Если этот выбор мотивирован определенными идеально-политическими и идеологическими устремлениями, то мы понимаем, что определенные знания, их изучение посредством правового инструментария становятся невозможными» (С.Ю., д.ю.н., проф. вуза). Подобная блокировка исследований

из-за консерватизма существующих представлений и нормативных ограничений вредна, прежде всего, для практики. Поэтому преодоление такого положения дел требует целенаправленных усилий научного сообщества: «если мы будем говорить про биотехнологии, нейротехнологии, биоправо, нейроправо, права, которые могут быть в этой области, начинают свой путь в очень непростое геополитическое время... вне зависимости от того, каких мы будем придерживаться политических взглядов, исследования должны проводиться и какие-то правовые нормы использоваться» (С.Ю., д.ю.н., проф. вуза). Таким образом, информант отсылает к мertonовскому принципу универсальности, согласно которому научные исследования и их результаты не должны зависеть от политических, идеологических и прочих установок и дискурсов. И поддержание этого принципа – важное условие воспроизведения науки как особой формы знания, тем более в контекстах его множественности.

Опасность состоит в том, что, придерживаясь общепринятых подходов, ученые могут «проглядеть» важные инновации, идущие с ними вразрез, поскольку «исследователь всегда рискует, он идет дальше нормативных дозволений» (С.Ю., д.ю.н., профессор вуза). Подобные вещи происходили, например, в Советском Союзе, когда научное сообщество поддерживало «мичуринскую биологию» и клеймило генетику как «буржуазную лженаку», исходя из политico-идеологической конъюнктуры.

В-четвертых, причиной возникновения лженачальных идей может стать и недобросовестность ученых, сознательно и целенаправленно вводящих в заблуждение коллег и широкие аудитории. «Есть много манипуляций, от формальных манипуляций до того, что – я не знаю, но предполагаю» (В.Г., к.э.н., сотрудник НИИ); «И огромное количество каких-то людей, которые, видимо, получают определенные бонусы, какие-то деньги за то, что они выполняют экспертизы некачественно» (Ю.К., д.филол.н., проф. вуза). Лженачальные представления могут быть инспирированы и внедрены в практику самими учеными, ориентированными на получение каких-то преимуществ, о чем писал Э.П. Кругляков («Ученые с большой дороги», в 3-х частях, 2001–2009). Речь идет о коммерческой и статусной выгоде фальсификаций, и подобные случаи хорошо известны из 1990-х гг., например, т.н. «фильтры Петрика», проект производства которых основывался на заведомо ложных научных основаниях. Оправдание публично высказанных ненаучных позиций, представляющих авторитетные и заинтересованные политические круги и хозяйственных акторов, представляется проблемой для ученых: «...люди, которые не ангажированы, они это все знают, но вслух про это не принято говорить» (В.Г., к.э.н., сотрудник НИИ). Ответ на подобный вызов требует преодоления сложившегося видимого консенсуса, а по существу – немалого личного мужества.

Как противодействовать лженаку? Некоторые утверждают, что ученый «должен своими научными работами опровергать это все псевдонаучное» (Ю.К., д.филол.н., профессор вуза). Информанты-преподаватели считают своим долгом разъяснить студентам сущность лженачальных и конспирологических теорий в рамках своих предметов: «задача, наверное, это не столько ученого, сколько ученого, который приходит еще и в аудиторию преподавать» (С.Б., д.п.н., профессор вуза). Высказано и мнение, что борьба с ненаучным мировоззрением в массовых аудиториях бессмысленна: «если человек не хочет, чтобы ему что-то показали, вы ему никогда ничего не докажете» (А.В., к.и.н., сотрудник НИИ).

Интернет, по мнению информантов, осложняет противодействие лженачальным представлениям. Здесь ученые, несмотря на развитие научно-популярных каналов вроде «Постнауки», явно проигрывают популярным блогерам в способности понимать запросы массовой, непрофессиональной аудитории и соответствовать ее уровню. Ученые говорят на другом языке, а сам по себе статус ученого в современном информационном пространстве не дает ему, по мнению информантов, символьических преимуществ перед неквалифицированными, но популярными оппонентами: «Глупо устраивать спор между блогером-миллионником или инфоцыганом, практиком, который достиг счастья за счет йоги или еще чего-то такого, что не очень научно, и человеком ученым, который вроде

все знает, даже касается этих двух сфер, но в своей системе живет... И не факт, что ученый прав будет в дискуссии» (В.Г., к.э.н., сотрудник НИИ).

Итак, проблематика распространения лженаучных теорий для современных ученых уже имеет несколько иной вид, нежели в прошлом веке, в период острого противостояния науки и религии, мистики, а также яростной борьбы с носителями иных взглядов внутри науки. Наука более не претендует на «символическое господство» (П. Бурдье), доминируют представления о множественности форм знания и о существовании феноменов, пока не нашедших научного истолкования, но ожидающих его. Однако зависимость от идеологических и политических установок, возможность получения коммерческих выгод также таят угрозу распространения лженаучных теорий, как и недобросовестность ученых и невежество массовых аудиторий.

Поддержание этических основ научного сообщества и научной работы. Жизнеспособность научного сообщества, отражаемая понятием его человеческого потенциала, состоит в способности сохранять нравственные основы профессиональной деятельности, противостоять недобросовестности исследователей.

Виды и причины девиаций, отступления от норм научного этоса неоднократно становились предметом исследований [Философия науки... 2005: 16–17, 20]. Наши информанты считают, что различные формы девиации в научной работе и научном сообществе, как и в любом другом, явление неизбежное, которое «будет присутствовать всегда <...> это не мешает развитию самой науки, хотя это, скорее всего, мешает тому, что называется чистотой научных кадров или чистотой научных знаний» (С.Ю., д.ю.н., проф. вуза). В качестве наиболее распространенных проявлений недобросовестности ученых информанты обращают внимание на плагиат, участие в написании заказных работ, фальсификации и фабрикации результатов исследований и экспертных заключений.

Период наибольшего распространения недобросовестных действий ученых относят к 1990-м гг.: «в девяностые годы с фальсификацией и недобросовестной наукой все очень плохо было» (Д.И., к.и.н., преподаватель вуза). Причину этого видят в отсутствии контроля: «особого контроля со стороны государства не было над большинством сфер жизни, тем более над научной сферой, потому что не до науки было» (он же). Однако контроль со стороны государственных органов не может сильно влиять на профессиональные позиции ученых-исследователей, поскольку сам базируется на экспертной деятельности ученых. Лишь внутренние механизмы самосохранения научного сообщества, его человеческий потенциал могут адекватно противодействовать фальсификациям исследований и прочим девиациям. История отечественной науки свидетельствует о том, что в «лихие 90-е» именно государственные чиновники поддавались мошенническим манипуляциям в погоне за коммерческой выгодой и другими преимуществами, в то время как активно боролись с девиациями сами ученые, в том числе Комиссия РАН по борьбе с лженаукой, активно отстаивавшая научный этос в журнале «В защиту науки» и в своих Меморандумах.

Высказывается мнение, что сейчас девиаций в научном сообществе стало существенно меньше, и этому есть несколько объяснений. Во-первых, развитие технических средств контроля: «с появлением системы антиплагиата этого стало меньше» (Д.Н., д.э.н., профессор вуза); «формальные институциональные фильтры стали гораздо жестче» (С.Б., д. полит.н., проф. вуза). Впрочем, полностью это не решает проблему, поскольку любые формальные методы контроля можно обойти: «Минобрнауки пытается некоторые меры предпринять, но они очень легко обходятся, те же самые диссертации, несмотря на введение все более совершенных систем антиплагиата, как фальсифицировались, так и фальсифицируются. Да, сделать это сложнее, но пути обхода появляются все новые и новые» (А.А., к.с.н., преподаватель вуза).

Во-вторых, «изменилась сама область проведения прикладных исследований научных, и здесь просто стало меньше участников, на мой взгляд, и меньше финансирования» (Г.А., к.филос.н., преподаватель вуза). Финансовая привлекательность науки, которую ставит под сомнение информант, возможно, стала меньше, чем в 1990-х гг., в связи

с распространением социальных сетей, где блогер, продвигающий «альтернативные», т.е. сфальсифицированные, бездоказательные, эпатажные, идущие вразрез с «официальной наукой» знания, может заработать больше, чем ученый-мошенник, выбивающий финансирование под сомнительные проект и постоянно рискующий быть разоблаченным.

В-третьих, информанты отмечают, что снизился престиж научных степеней и званий и их привлекательность для чиновников, политиков и прочих заказчиков диссертаций, провоцирующих научных работников на недобросовестные действия: «*фальсификаций лет 10–15 было даже больше, чем сейчас. Я видела тогда причину этих явлений в том, что получаемый статус кандидата наук или доктора наук – он в каких-то сферах был престижен, и хотелось получить этот статус, оплатив какой-то объем работы*» (С.Б., д.полит.н., проф. вуза).

В то же время появляются новые причины если не для роста фальсификаций и подлога, то для снижения качества научных исследований. Что их провоцирует? Информанты называют «подходы государственных структур к управлению научной политикой в России. В тот момент, когда у нас на первый план вынесли количественные показатели научных достижений, ровно с этого и началось» (Е.Д., д.полит.н., проф. вуза). Количественные показатели оценки работы ученых, т.е. необходимость публиковать определенное количество статей в заданные сроки, не учитывающие реальное время, затрачиваемое на исследование и подготовку качественной научной статьи, вынуждают гнаться не за научными результатами, а за публикациями: «*Уже ты думаешь не о том, чтобы написать статью на тему, а думаешь где бы найти журнал, где бесплатно опубликовать... Про качество, про науку никто не думает... Здесь бы я не обвиняла ученых. То, что ученым приходится делать – это условия, в которые их ставят*» (Е.П., д.полит.н., проф. вуза). А условия таковы, что за невыполнение количественных норм грозят серьезные санкции: «*иначе со мной не продлят контракт и выгонят из университета. Или меня с грантом поставят в "черный список"*» (она же).

Мнение информанта о том, что «никто не думает» про качество научных публикаций, конечно, весьма спорно. Выше приведены данные о сотнях статей, отозванных из научных журналов, и сотнях диссертаций, после экспертизы которых авторы лишены степеней, что подтверждает озабоченность научного сообщества, издателей и редакторов качеством исследований и публикаций. Для его контроля созданы такие общественные организации ученых, как Диссернет, Совет по этике научных публикаций Ассоциации научных редакторов и издателей, каждый серьезный научный журнал публикует этические нормы, регулирующие взаимодействия автора, редакторов, рецензентов. Представляется, что информант в данном случае имеет в виду ситуацию, когда государственный контроль над деятельностью ученых влечет за собой рост девиаций. Растущие требования к количественным показателям публикационной активности ученых, работающих как в вузах, так и в исследовательских институтах, стимулируют их наращивание, и эти требования поддерживаются практикой заключения «эффективных контрактов», являющихся механизмом финансового стимулирования публикационной активности. На эту нередко вынужденную заинтересованность ученых в росте количества публикаций отвечают некоторые издатели научных журналов как в России, так и за рубежом, публикуя статьи без рецензирования и научного редактирования, за деньги. Так появляются «хищные» (всеядные, публикующие статьи низкого качества) и «мусорные» (без серьезной редакции) научные журналы, которые вносят в «черные списки». Им противостоят издания, соблюдающие публикационную этику, входящие в «белый список», по которому и осуществляется оценка формальных показателей публикационной активности. Это разделение как раз свидетельствует о постоянном контроле за качеством научных публикаций со стороны самого научного и издательского сообщества.

Стимулирование публикационной активности приводит и к росту так называемого самоплагиата, т.е. вторичной публикации собственных ранее опубликованных текстов с небольшой переработкой или вообще без переработки. Еще недавно подобные практики не считались девиантными, поскольку каждый автор имеет права на свои опубликованные

тексты, кроме того, длительная работа над темой требует возврата к ранее опубликованным результатам, их дальнейшего переосмыслиния и движения вперед. Однако в последние годы самоплагиат стал рассматриваться как девиация, имеющая целью рост количества публикаций. Данный вопрос остается до конца не решенным для российских авторов: использование уже опубликованных результатов для развития исследований допустимо, но не как простое дублирование прежних публикаций.

Еще одной новой формой девиации в научных кругах наши информанты назвали фальсификации собственно формальных показателей, в первую очередь, индексов цитирования: «Как и в любой системе, в которой имеются формальные результаты, проблема подделки результатов, фальсификации актуальна всегда... Есть формальный показатель, его можно подделывать» (Г.Д., д.и.н., сотрудник НИИ). Однако обойтись совсем без формальных показателей считают невозможным и нецелесообразным.

Много критики вызывает у информантов грантовая система финансирования исследований, которая «убивает науку» (А.В., к.и.н., сотрудник НИИ) в том смысле, что приводит к снижению качества вследствие завышенных обязательств по количеству публикаций. Действительно, многие авторы заявок стремятся получить положительные оценки экспертов, закладывая в план работ «повышенные обязательства» по публикациям, в первую очередь в высокорейтинговых журналах. Однако это не обязательно приводит к снижению качества, напротив, может стимулировать разностороннее осмысливание полученных эмпирических данных в виде ряда теоретических концептуализаций.

Информанты высказывают критические замечания в адрес грантовой системы финансирования научных исследований также из-за того, что она якобы дает возможность получить финансирование исследователями, не имеющим опыта и наработок в данной теме: «когда вдруг человек, который всю жизнь Арктикой занимался, получает грант по Арктике, никогда не занимаясь Арктикой, не имея работ или 1–2 недавно опубликованных работ» (Е.П., д.полит.н., проф. вуза). Однако реальная система отбора проектов для финансирования в российских научных фондах, например в РНФ, предполагает установление барьера для конъюнктурных научных коллективов в виде обязательного наличия научного задела по теме проекта, а также соответствующих заявленной теме публикаций в высокорейтинговых изданиях у руководителя. Таким образом, грантовая система в ее современном виде предполагает установку сложных фильтров, препятствующих получению финансирования случайными людьми. Отметим: критикуя грантовую систему, информанты не предлагают отказаться от нее, поскольку она дает возможность реализовывать значимые исследования и получать достойную оплату труда.

Научное сообщество защищает свои этические устои с помощью установки множества барьеров на пути девиантных практик. Однако, как свидетельствуют информанты, прямых разоблачительных выступлений, конфликтов ученые избегают: «не делай замечаний другим, начни с себя» (Д.Е., д.с.н., проф. вуза). Это можно объяснить стремлением снизить конфликтность, являющуюся деструктивным фактором для научных коллабораций. Альтернативой прямого конфликта является использование репутации ученого как инструмента защиты и сохранения этических принципов научного сообщества.

Репутация ученого как инструмент сохранения этических принципов научного сообщества. Репутация социального актора обычно рассматривается, в трактовке П. Бурдье, как его символический капитал [Бурдье, 1993: 57]. Он может конвертироваться в другие виды капитала, в том числе в экономический, когда носитель высокой репутации пользуется большим доверием и имеет преимущества при получении, например, грантов, а также в социальный капитал как доступ к научным сообществам, коллаборациям и т.д. Именно это последнее свойство научной репутации подчеркивают наши информанты. Отмечая, что наука отличается от других форм знания тем, что «она по определению коллективная», информант определяет репутацию как «то, насколько человека готовы видеть другие» (Г.Д., д.и.н., сотрудник НИИ). Именно научная репутация лежит в основе выстраивания совместной работы ученых.

Одна из проблем состоит в неопределенности самого понятия репутации: «для меня слово репутация – не очень...» (Д.Н., д.э.н., проф. вуза). Прежде всего, здесь стараются развести формальные и неформальные составляющие. Первые образуют индексы цитирования, количество публикаций и т.д., они открыты и официальны, но представляют собой только «сверку научных часов» (С.Ю., д.ю.н., проф. вуза). Ими удобно пользоваться, когда не знаком лично или оказываешься в незнакомом предметном поле, для того чтобы составить самое общее представление о его участниках. Однако, по существу, репутацию создают не поддающиеся формализации заслуги, прежде всего качество научных работ: «Был такой Михаил Бахтин, который почти ничего не писал, но его с удовольствием слушали» (Н.А., д.филос.н., проф. вуза).

Высказано мнение, отождествляющее репутацию с брендом: «Это собственный бренд, наверное» (М.Н., к.психол.н., преподаватель вуза, сотрудник НИИ), что показательно: сейчас активно обсуждается создание бренда не только институтов, университетов, НИИ, но и отдельных ученых. Бренд – это торговая марка, то, что ориентировано на рынок научных проектов и определяет успех на нем. Бренд может служить фактором выбора в пользу того или иного ученого при цитировании, распределении грантов, приглашении к сотрудничеству и т.д. Репутация не тождественна бренду, по мнению специалистов в области рекламы и связей с общественностью, разрабатывающих эти понятия. Она представляет собой сложившееся мнение, оценку объекта, в то время как бренд включает в себя всю совокупность его видимых свойств, включая репутацию. Таким образом, это явления взаимосвязанные, но не тождественные.

Из чего складывается репутация? Информанты обозначили ряд характеристик, как универсальных, так и важных в определенных отраслях социального знания. К первым относится способность резко высказать свое мнение, выразить несогласие, что может восприниматься как «скандальность»: «...ты должен на себя всегда брать риск быть неудобным обществу... наука – немного конфликтная вещь, к сожалению. ... Можно иметь скандальную репутацию – это тоже важно. Масса ученых являются скандалистами в России и за рубежом. Тем не менее это выдающиеся ученые» (Д.Н., д.э.н., проф. вуза). Здесь речь идет об описанном Р. Мертоном принципе «организованного скептицизма» как одной из основ этоса научного сообщества: все результаты должны подвергаться публичному критическому анализу, способствующему их проверке. Авторы же научных публикаций должны иметь смелость отстаивать свои позиции. Такой «скандальностью» отличались многие известные ученые, например, по отзывам коллег, П.А. Сорокин.

Выделяют информанты и ряд черт личности, подрывающих репутацию. Это финансовая нечистоплотность, научная недобросовестность и т.п., которые воспринимаются как недопустимые: «Есть абсолютно недопустимые вещи, ни я, ни окружение не должно их практиковать. Например, все экспертизы и прочее, – очень важно формально и качественно, ответственно подходить» (В.Г., к.э.н., сотрудник НИИ). Недопустимыми нарушениями этики научного сообщества информанты считают плагиат в любых формах, в том числе в виде пересказа иностранных работ, выдаваемого за собственные достижения; написание «заказных» диссертаций. «Не общаюсь принципиально и не буду общаться с некоторыми профессорами просто потому, что они пишут кандидатские и докторские диссертации [на заказ]» (В.А., к.полит.н., доцент вуза); а также публикации «в каких-то журналах за деньги, в мусорных журналах» (Ю.К., д.филол.н., проф. вуза); непорядочность «с точки зрения человеческих отношений» (Г.А., к.филос.н., преподаватель вуза).

Что касается специфики отраслей науки, то серьезной угрозой научной репутации, по крайней мере, в социальных науках, информанты считают политическую ангажированность: «И у политологов, социологов такая же проблема есть. Здесь репутация может зависеть от политических взглядов, которые тот или иной исследователь разделяет или не разделяет...» (Е.Д., д.полит.н., проф. вуза). Здесь же проходит важное для современной политологии разделение на собственно ученых и политтехнологов, публичных спикеров: «именно в политологии сейчас это такой критический момент, когда дифференциация

идет про науку и про не науку. Вот в этом отношении очень такой момент, когда репутация может быть запятнана, испорчена какими-то непродуманными движениями, действиями, иногда высказываниями даже» (С.Б., д.полит.н., проф. вуза). Информант подчеркивает, что этика поведения ученого принципиально отличается от публичного спикера: «И на этой линии внутри профессионального сообщества и проходит дифференциация, где ты ученый, как себя ученый должен вести, о чем он должен говорить, и где ты политолог как актер, насколько в это поле может ученый вступить или не вступить» (С.Б., д.полит.н., проф. вуза).

Таким образом, объективность, свобода от оценочных суждений, являющаяся неотъемлемым элементом этики научной работы, для современных российских исследователей остается серьезным репутационным вызовом. Необходимо отметить противоположность позиции отечественных социальных исследователей западным, американским, где для некоторых сегодня данная проблема решается в пользу идеологической ангажированности в контекстах «левой» повестки, и манифестация приверженности постколониальным, квир-, гендерным и т.п. убеждениям в университетских аудиториях и исследовательских лабораториях становится нормой [Глакроуз, Линдси, 2020].

Еще один значимый в репутационном плане аспект связан с неформальными объединениями ученых в локальные сообщества. Научное сообщество «не может быть с универсальными взглядами» (С.Ю., д.ю.н., проф. вуза). Обязательно есть различия «в политических убеждениях, мировоззренческих ориентациях», которые формируют научные круги, не пересекающиеся между собой или избегающие взаимодействий: «это понимание для нас очень важно, чтобы выстраивать научные контакты. Если я не разделяю определенных взглядов, и я об этом говорю, я знаю, что меня на защиту такой-то работы не позовут» (он же). Точно так же ученым из разных кругов будет не комфортно, например, публиковаться в изданиях, где среди редколлегии и экспертов преобладают представители «иных» взглядов, хотя формальных препятствий для этого нет. Представляется, что именно репутация ученого как приверженца определенных взглядов играет значимую роль для вхождения в подобные локальные сообщества.

Образование неформальных сообществ ученых за рамками институциональных структур на основе общности направлений исследований, научных подходов, мировоззрения давно изучаются в рамках концепций «научной школы» и «невидимого колледжа», которые приобрели новые смыслы в цифровом обществе, в контекстах развития сетевых коммуникаций ученых и т.д. В концепции Р. Коллинза именно они становятся каналами распространения знаний, идей, картин мира от «центров влияния» к периферии [Коллинз, 2002]. В отечественной социологии образование и бытование таких локальных сообществ изучал М.М. Соколов и его коллеги на примере санкт-петербургских социологов, приходя к выводу о принципиальном значении для образования неформальных сообществ политических взглядов и мировоззрения ученых [Соколов, 2012]. Таким образом, ценности ученых играют роль и в России, но в коммуникационных кругах, образующихся на основе общности взглядов, мировоззрения в широком смысле, а не в качестве предпосылки исследовательской деятельности.

Некоторые информанты сетуют на слабое влияние репутации на научную жизнь: «как социальный капитал, репутация сейчас в России не используется как организующий фактор в большинстве своем. То, что я вижу, есть запрос на репутацию, люди начинают присматриваться друг к другу, отбирая» (В.А., к.полит.н., преподаватель вуза). В качестве причины называют размывание этических стандартов научного сообщества и качественное ухудшение его состава: «Во-первых, – очень много пришло народа в науку. Причем не только людей, которые <...> живут наукой, но людей, которые умеют с помощью науки заработать. Второе – пришли люди, которые сами по себе без какого-то воспитания. И это размыло репутацию» (А.В., к.э.н., сотрудник НИИ).

Однако обозначенный выше «запрос на репутацию» делает ее весьма значимой и ценной в научном сообществе, что выражается в стремлении ее заслужить и сохранять: «на репутацию годами работаете, а потерять ее можно в один момент» (Н.А., д.филос.н.,

проф. вуза). Создаваемые учеными общественные организации, ориентированные на институционализацию этики научных исследований, как Диссернет, Совет по этике научных публикаций, ставят своей целью «вернуть репутационные механизмы» в качестве регулятора профессиональной деятельности, в противоположность преобладанию формальных количественных показателей⁸.

Подводя итоги, можно сказать, что многие информанты не видят угроз для профессиональной исследовательской деятельности в этических девиациях, считая их присутствие неизбежным, как проявление аномии. Их причины видят как в практиках самих ученых, так и во внешней среде, например, управлеченских механизмах, в условиях, влиять на которые ученые не могут. Информанты скорее описывают сложившуюся ситуацию, чем предлагают конкретные меры по ее исправлению. Наиболее эффективным инструментом противостояния девиациям признают репутацию ученого, которая, по их мнению, предполагает как формальные показатели, например, публикационную активность, индексы цитирования, так и неформальные профессиональные (качество публикаций и т.п.), мировоззренческие, этические характеристики личности ученого. Высокая значимость репутации определяется коллективным характером современных научных исследований, в том числе и в социально-гуманитарном знании.

Российское научное сообщество обладает способностью отвечать на этические вызовы, самостоятельно преодолевать девиации, деструктивные для исследовательской деятельности, что свидетельствует о его достаточно высоком человеческом потенциале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажанов В.А., Конопкин А.М. О классификации подходов к определению псевдонауки: традиции и новации // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31. № 1. С. 174–191.
- Бразертон Р. Недоверчивые умы. М.: Альпина нон-фикшн. 2021.
- Бурдье П. Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. М.: Socio-Logos. 1993. С. 53–86.
- Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности. 2018. М.: МГИМО-Университет.
- Ефремов Ю.Н. Лженаука, псевдонауки и гипотеза // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа. СПб.: Изд-во ВВМ, 2013. С. 30–41.
- Зарубина Н.Н. Доверие к науке в современной России в контекстах множественности форм знания // Социологические исследования. 2018. № 5. DOI 10.7868/S0132162518050100. С. 110–120.
- Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5–16.
- Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
- Кругляков Э.П. "Ученые" с большой дороги – 3 / Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. М.: Наука, 2009.
- Плакроуз Х., Линдси Дж. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности, и что в этом плохого. Individuum, 2020.
- Сергеев А.Г. Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле // В защиту науки. 2015. № 16. С. 49–68.
- Соколов М.М. Изучаем локальные академические сообщества // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 76–82.
- Степин В.С. Наука и лженаука // Науковедение. 2000. № 1. С. 72–81. EDN THACIN.
- Философия науки. – Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005.
- Эйдельман Е.Д. Ученые и псевдоученые: критерии демаркации // Здравый смысл. 2004. № 4 (33). С. 15.
- Merton R. Institutional Imperatives of Science. / Ed. by B. Barnes. L. 1972.

Статья поступила: 19.11.24. Финальная версия: 10.01.25. Принята к публикации: 28.01.25.

⁸ Цели – Совет по этике научных публикаций // URL: <https://publication-ethics.ru/purposes/> (дата обращения: 26.08.2024).

SCIENTISTS ON THE CHALLENGES TO THE REGULATORY FRAMEWORK OF THE RUSSIAN SCIENTIFIC COMMUNITY

ZARUBINA N.N.

Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia, Russia

Natal'ja N. ZARUBINA, Dr. Sci. (Philos.). Prof., Prof. of the Department of Sociology, Moscow State University of International Relations, MFA of Russia, Moscow, Russia (n.zarubina@inno.mgimo.ru).

Abstract. The article examines the problems of the regulatory framework for the professional activities of the scientific community as a component of its human potential, i.e. viability. Based on the analysis of transcripts of 20 in-depth interviews with scientists working in research institutes and universities, representatives of social and humanitarian sciences from different regions of Russia, a range of opinions on violations of research ethics was identified. It was established that informants are tolerant to the plurality of forms of knowledge in modern society, do not claim symbolic dominance of the scientific picture of the world, which today is not perceived as something integral. The emergence of ethical deviations in research activities – falsification and fabrication of results, plagiarism, pursuit of formal indicators, etc., are associated both with the attitudes of the scientists themselves and with ineffective management approaches. The informants consider the reputation of a scientist to be the most effective tool for maintaining the ethical foundations of research activities. They understand it as symbolic capital convertible into social capital: the importance of reputation is determined by the need for joint work, inclusion in teams, and collaboration of researchers. Reputation is the most important mechanism for self-regulation of the scientific community and is based on both formal indicators (publications, citation index, etc.) and informal professional and personal qualities of the researcher. The ability to respond to ethical challenges and independently overcome deviations that are destructive to research activities is the most important component of the human potential of the Russian scientific community.

Keywords: scientific community, human potential, ethics, deviation, pseudoscience, symbolic dominance, symbolic capital, social capital, reputation.

REFERENCES

- Bazhanov V.A., Konopkin A.M. (2012) On the classification of approaches to the definition of pseudoscience: traditions and innovations. *Jepistemologija i filosofija nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. V. 31. No. 1: 174–191. (In Russ.)
- Bourdieu P. (1993) Social space and the genesis of classes. In: *Sociology of politics*. Moscow: Socio-Logos: 53–86. (In Russ.)
- Brotherton R. (2021) *Suspicious Minds: Why We Believe Conspiracy Theories*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Collins R. (2002) *Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Novosibirsk. (In Russ.)
- Efremov Yu.N. (2013) False science, pseudoscience and hypothesis. In: *Pseudoscience in the Modern World: the Media Sphere, Higher Education, School*. Sankt Petersburg: Publishing house of the VVM: 30–41. (In Russ.)
- Eidelman E.D. (2004) Scientists and pseudoscientists: criteria of demarcation. *Zdravij smysl* [Common sense]. No. 4 (33): 15. (In Russ.)
- Krugljakov Je. P. (2009) "Scientists" from the High Road – 3 / Commission on Combating Pseudoscience and Falsification of Scientific Research of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Merton R. (1972) *Institutional Imperatives of Science*. Ed. By B. Barnes. L.
- Philosophy of Science. – Issue 11: Ethos of Science at the Turn of the Century*. (2005). Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Pluckrose H., Linsday J. *Cynical Theories. How Activist Scholarship Made Everything about Race, Genders, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Individuum print, 2020. (In Russ.)
- Sergeev A.G. (2015) The problem of practical demarcation of science and pseudoscience in the Russian scientific field. *V zashchitu nauki* [In defense of science]. No. 16: 49–68. (In Russ.)
- Sokolov M.M. (2012) Studying local academic communities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 76–82. (In Russ.)
- Stepin V.S. (2000) Science and pseudoscience. *Naukovedenie* [Science Studies]. No. 1: 72–81. (In Russ.)
- Trust in Knowledge in Conditions of Social Turbulence: Risks, Vulnerabilities, Security Challenges*. (2018) Moscow: MGIMO-University. (In Russ.)
- Zarubina N.N. (2018) Trust to Science in Modern Russia in the Contexts of the Plurality of Forms of Knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 5: 110–120. DOI 10.7868/S0132162518050100. (In Russ.)
- Zaslavskaya T.I. (2005). Human Potential in the Modern Transformation Process. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 3: 5–16. (In Russ.)

Received: 19.11.24. Final version: 10.01.25. Accepted: 28.01.25.